

Наталья Резанова
Последняя крепость

«Автор»

Резанова Н. В.

Последняя крепость / Н. В. Резанова — «Автор»,

ISBN 978-5-425-04082-4

Последняя Крепость пала. В живых остался только один человек, вся жизнь которого теперь подчинена одной лишь мести.

ISBN 978-5-425-04082-4

© Резанова Н. В.
© Автор

Наталья Резанова

Последняя крепость

Они не возрадовались гибели неприятелей, но дивились только величию их решимости и несокрушимому презрению к смерти такого множества людей.

Иосиф Флавий

...На беспощадный свет своей победы...

Х.Л. Борхес

Бран не услышал начала «Баллады о Нааме» из-за того, что спал. Он был голоден, когда явился в кабак, но последние медяки истратил не на еду, а на выпивку, быстро набрался, залег в углу и не расслышал, как арфист у очага затянул проклятую песню, иначе бы сразу заткнул ему глотку, вбил бы в пасть его поганые зубы. И когда он разлепил глаза, старый козел, дергая струны скрюченными пальцами, выпевал уже проклятые финальные слова:

...И все они были мертвы. Никого не осталось. Так пала Последняя Крепость, Пала Наама!

Вслед за этим в голову арфиста незамедлительно полетела скамейка, пущенная рукой Брана. Арфист, с проворством, приобретенным частым повторением, уклонился, скамья ударилась о стену и сломалась, а на самого Брана навалилось с пяток завсегдатаев, как собаки на медведя. Остальные посетители этой крысьей норы, каких полным-полно было в портовых кварталах блистательной Столицы, подобрались поближе поглазеть, чем кончится заваруха, и выдвигая разнообразные предположения насчет того, чего это мирно надиравшийся северянин, судя по выправке – из бывших федератов, вдруг взбесился.

– Пустите, сволочи! – орал тот, выбираясь из общей свалки и стряхивая с себя наиболее упрямых. – Задушу поганца! Он мне будет про Нааму... как будто он там был... как будто кто из вас видел... «Пала Последняя Крепость...» Убью!

Жуткое лицо воздвиглось перед Браном. В полумраке изжелта-бледное, худое, оно казалось зримым воплощением всех кошмаров, мучивших его эти десять лет. Левая половина, от верхней губы до виска, была рассечена глубоким застарелым шрамом. Из-за этого левый глаз, чудом не вытекший, почти не открывался, и с лица глядели словно бы два разных человека. Правый глаз, огромный, черный, точно колодец ночью или пещера, уводящая в преисподнюю, сверлил неотступно, проникая в мозг, левый, узкий как щель, злобно усмехался.

– А ты там был? – тихо, сипло и очень вкрадчиво спросило лицо. – Ты был под Наамой? Осаждал ее?

– Да! – подхватили хором остальные. – Сам-то был? Штурмовал Последнюю Крепость?

Брану наконец удалось стряхнуть с себя противников. Он стоял, раскачиваясь, большой, тяжелый, выше всех в этой лачуге, и короткий меч – оружие, предписанное федератам, – казался бы игрушкой в его руках, может быть, поэтому он не стал его доставать.

– Не осаждал, – сказал он. – И не штурмовал. Нет. Но я там был. Я, Бран из Лоэрга, сотник федератов Северной провинции, был под Наамой в тот день, когда ворота открылись.

– И что ты тогда лезешь? Скажешь, что это не правда? И Последняя Крепость не пала? Империя не покорила Восточную провинцию?

– Правда? – Бран сплюнул на пол. Вся пьянь вокруг продолжала гомонить, но он искал взглядом лицо. И не находил. В своем опьянении он не был уверен, что это был человек, а не ночной демон, пришедший напомнить ему... как будто он забыл! Как будто он мог забыть...

Сколько бы он ни твердил себе, что виной всему морской переход, за которым последовал бросок через пустыню, раскаленное солнце, жара, к которой он не привык... Да, жара... и стервятники. – Чем хвастаемся, славное воинство? Чем похваляемся? Вся армия империи не могла взять одну крепостишку в горах. Горстка людей с женами и детьми... самые злобные и страшные враги империи, сказали нам, когда вызвали с северных границ, потому что войска стягивали со всех провинций... и тащили под стены Наамы катапульты и баллисты, строили насыпи и возводили осадные башни... а мы, дураки, тем временем перлишь маршем через всю империю... – Он уже не мог остановиться, хотя знал, что сейчас будет, потому что так бывало всегда. Но если уж он начинал говорить о том, что вышвырнуло его из рядов лучшей армии в мире, о том, что заставляло его кидаться в драку, доходящую до смертоубийства, при слове «Наама» и пить целыми днями, чтобы ночью не видеть снов, – он должен был говорить до конца. То, что с ним произошло, объяснению не поддавалось. Он не был уже неопытным новобранцем, повидал множество сражений, оставлявших за собой горы трупов, – не чета ничтожному гарнизону Наамы, слышал хрипение смертельно раненных и вопли казнимых. Но мертвая тишина Наамы оказалась сильнее. – И все равно не могли победить. Мы подошли к Нааме как раз в тот день, когда ворота крепости оказались открыты. Командующий Аммон ожидал ловушки, и нас послали вперед. С чего бы нас, федератов, беречь? И мы были первыми, кто увидел... Они были мертвы, все, как в твоей песне, сволочь старая, отравили своих детей и перебили друг друга. Но не потому, что, как в песне поется, «испугались имперской карающей длани». Я их видел, вы, подонки, видел их лица. Они и в смерти смеялись. Над нами смеялись... И оставили закрома нараспашку. У них было полно зерна... и воды в колодцах. Аммон решил, что все отравлено, и велел рабам пробовать припасы и воду. Но они не снизили до того, чтобы травить нас. Боги, как они презирали нас, как они нас презирали... – Бран уже слышал привычные уху смешки, гыканье, и ругань и, подняв кулаки, заорал, перекрывая все: – И правильно делали! Потому что мы – рабы! Последние свободные люди умерли в Последней Крепости! И вся империя, как бы кто в ней ни назывался, – рабы! И я тоже! Но я не хочу быть рабом у рабов! Клянусь, если бы хоть один человек из Наамы остался жив, я бы поцеловал ему ноги и стал его рабом!

Дальше все пошло, как всегда. С криком: «Трус! Предатель! Собака!» – на него ринулся весь кабак. Но старая выучка Брана и привычка к драке были при нем. Правда, теперь армейский меч, болтавшийся на ремне под мышкой, пришлось выхватить. У тех были кистени, цепи, ножи, дубинки – обычный арсенал трущоб. В ход шли глиняные бутылки, скамьи – все, что попадалось под руку. И ругань неслась лавиной, но Бран не слышал ничего и не видел ничего, кроме раскаленного неба над Наамой и стервятников, кружащих в нем. Он был сильнее каждого из посетителей кабака в отдельности, но их было много, слишком много, и ему оставалось только пробиваться к выходу, отражая удары по пути. Дверь, к счастью, оказалась открыта, и он вылетел наружу. Позади послышался грохот дерева о дерево, и ржавый скрежет, и рев множества глоток. Бран не остановился. Он бежал по переулку, кто-то бежал рядом, не за ним, а рядом, а может, ему это примерещилось. Он бежал, пока не споткнулся и не покатился по земле. Кто-то обошел его и встал перед ним.

Приподнявшись, Бран увидел лицо.

Нет, это был не демон. Человек стоял посреди переулочка, закутанный в широкий, восточного покроя, плащ – одежду, официально осужденную специальным постановлением столичного префекта и весьма уважаемую в припортовых кварталах, потому что под ним легко было спрятать любое оружие – Бран знал это по личному опыту. Короткие черные волосы стягивала повязка, под которую со лба уходил шрам.

– Уйди с дороги, – потребовал Бран. – Уйди, не то убью.

– Не убьешь, – сказали бескровные губы. Голос звучал так же, как и в кабаке, еле слышно, хотя сейчас приглушать его не было никакой надобности.

– Почему это? – Бран уже стоял на коленях и меч был у него в руке. Противник был явно слабее, но Бран был слишком зол.

– Потому что ты – мой раб. Ты только что поклялся в этом.

Луна освещала жуткое лицо, и теперь, когда остатки хмеля покинули сознание Брана, он неожиданно понял, что лицо это принадлежит женщине.

Она гордо подняла голову.

– Я – единственная, кто выжил в Нааме.

– Докажи! – прохрипел Бран. Выпростав руку из-под плаща, она коснулась своего ужасного шрама:

– Это от удара заступа, когда нас хоронили в общей могиле в ущелье Нун.

Но большим доказательством, чем эти слова, стала для Брана появившаяся на ее губах знакомая усмешка – усмешка всепобеждающего презрения.

Она называла себя Мавет, и Бран так никогда и не узнал, было ли это имя настоящим. В ту ночь, когда он пошел за ней в убогую конуру, которую она снимала тут же, в трущобах, в такой же крысьей норе, только в три этажа – таковы были местные доходные дома, они же притоны, они же убежища для тех, кто меньше боялся вора и чумы, чем стражи префекта и сборщиков налогов, – она вкратце рассказала ему, как получилось, что она выжила. Она родилась незадолго до войны, но мирного времени не помнила, а в тот день в Нааме ей было восемь лет.

Все дети, сказала она, отлично знали, что ждет их после последнего штурма. Знали давно, потому что известия о том, что случилось после захвата Шемеша, главного города Нептары (Нептарой до войны называлась Восточная провинция), успели дойти прежде, чем кольцо осады сомкнулось вокруг крепости. А участь защитников Наамы, смевших сопротивляться, когда пала уже вся страна, должна была стать еще ужасней. Поэтому они спокойно согласились с решением взрослых умереть от собственных рук, по обычаю нокэмов. Единственное послабление, которое было сделано детям, – умертвить их должны были легкой смертью. Несколько женщин, занимавшихся в Нааме врачеванием, в том числе мать Мавет, изготовили отвар, коим и напоили детей. Она, Мавет, в точности не знает, из чего отвар этот состоял, но предполагает, что он содержал в себе сильное сонное зелье, потому что все дети после этого уснули и не должны были просыпаться. Однако она была последней из тех, кто пил, ей достались самые остатки отвара, и, видимо, этого оказалось слишком мало. Но тогда она крепко уснула и не видела того, что было дальше. Очнувшись же от страшного удара по лицу и хотела закричать от боли – и не смогла. Вероятно, сухо предположила она, когда ее бросали в могилу, то повредили горло, а может, связки сжег яд, – но с тех пор она не может говорить громко. Итак, она лежала в могиле на трупах родных и близких, а на ее рассеченное лицо, залитое кровью, сыпалась земля. Она стала выбираться наверх, не сознавая, что делает, ее бы добились, если б увидели, но она выбиралась, потому что задыхалась в могиле. Ей повезло. Хоронили их наспех, расселину в ущелье Нун едва присыпали землей, чтобы избежать заразы, и к тому времени, когда она выползла из могилы, была ночь и похоронная команда ушла.

Бран слушал и кивал – он видел, как трупы волокли из крепости к расселине. Ущелье Нун было довольно далеко от лагеря, успевшего превратиться, как всякий большой имперский военный лагерь, за месяцы осады в настоящий город с валами, рвами и ровными рядами палаток. Положенных уставом солдатских барачков не понастроили исключительно потому, что в окрестностях было мало дерева, и все оно шло для кухонных надобностей... Командующий Аммон любил порядок и ценил удобства, а потому не желал, чтобы до него долетал трупный смрад – ведь тогда стояла жестокая жара. И часовых в ущелье не выставляли – на трупах не было ничего ценного, а если до них доберутся стервятники и шакалы, кому какое до этого дело?

Да, так было, так могло быть.

Ей повезло, сказала Мавет. Она знала, что к югу от ущелья есть пещера, скрытая в скалах, и там – источник воды. Откуда она знала о пещере, Мавет не сказала. Она поползла наверх, но за ночь доползти не успела. Была очень слаба и вдобавок истекала кровью. Из-за слабости ей пришлось добираться целый день, хотя расстояние было не так уж велико. Несколько раз она скатывалась со склона, и приходилось ползти по нему снова. Кровь остановилась и застыла коркой. Притом ее то и дело рвало остатками яда и желчью. Было очень жарко, и совсем низко кружили стервятники – ждали. К ночи она доползла до пещеры, промыла рану и напилась воды. Сколько-то дней пролежала в пещере, сколько – она не знала. Ее трепала лихорадка, но рана не загноилась. Есть было нечего, но она все равно не могла бы есть. Только пила воду – когда есть вода, можно и без еды долго продержаться. Когда она выползла из пещеры, крепость уже была разрушена баллистами Аммона и армия покинула предгорья...

– А дальше? – спросил Бран.

– Хватит на сегодня. – Она достала из ниши в стене краюху черствого хлеба, бросила ему, не вставая с места. – Ешь, спи. Я должна подумать. Не мешай мне.

Он сделал, как она сказала. Сжевал хлеб с жадностью – не ел двое суток, что бы там ни было, а есть надо. Растянулся на полу, покрытом какой-то дырявой тряпкой, и мигом уснул. Его унизили, он запродавался в рабство, вдобавок к женщине, женщине уродливой, и он знал, что поступил правильно. Он знал это, потому что первую ночь за много лет спал спокойно. Он больше не видел стервятников Наамы. Может быть, потому, что рядом с ним их видели другие глаза.

Полу Мавет сказала, что уходит в порт. Брану отправляться с собой не приказывала, но и не запретила. А он решил, что, раз уж определился в службу, должен следовать за этой женщиной, хотя бы для того, чтобы ее защищать. Правда, судя по экипировке Мавет, в телохранителе она не особенно нуждалась. Вчера Бран правильно определил причину, по которой она таскала этот плащ. Ее правую руку до локтя охватывало несколько цепей, скрепленных так, что получалось нечто вроде кольчужного рукава, а кисть защищала бронзовая пластина. Такое оружие было строжайшим образом запрещено, как «жестокое и бесчеловечное», но Бран несколько раз видел подобную штукуну среди вооружения столичного воря и знал, что при ударе из-под пластины выскакивают когти. Защита для левой руки была проще – всего лишь браслет с шипами. На поясе она носила два ножа – длинный, рубящий, и короткий, метательный. Похоже, это было все, так как в головную повязку и сандалии вроде спрятать было нечего, но при умелом использовании и таким набором оружия много чего можно было натворить, и Бран не сомневался, что Мавет умеет пользоваться своими игрушками. Да и сама она, при крайней худобе и невеликом росте, не производила впечатления слабого создания. Но так или иначе, он должен был ей служить, обойдется она без него или нет.

Они вышли на улицу – на прогнившей лестнице не хватало половины ступеней и отсутствовали перила, но в доходных домах отроду никого не заботили подобные мелочи. Снаружи никто не обратил на них внимания, хотя, казалось бы, их внешность просто взывала к этому. Но в здешнем квартале не принято было проявлять излишнего внимания к себе подобным, а тот, кто не усваивал этого правила, рисковал не задержаться на земле. А кроме того, в столичных трущобах скапливалось отребье со всей империи, всех оттенков кожи и цветов волос, а также украшенное всевозможными видами калечеств, шрамов, ожогов, клейм, язв и парши. Поэтому и Мавет с ее изуродованным лицом, и Бран с его ростом и сложением выглядели на этих улицах вполне уместно и незатейливо. То же самое относилось и к гавани, где шлялся люд еще разнообразнее.

Был ясный солнечный день. Огромная гавань, начинавшаяся за триумфальной аркой императора Максимиана, шумела и галдела. Народ был везде – на верфи работали плотники, грузчики толпились у лебедек, носильщики и комиссионеры сновали между складами, доками и купеческими конторами. Множество кораблей стояло на якоре – от легких одномачтовых парусников до мощных боевых галер. И надо всем этим на молу возвышался огромный маяк, прозываемый Глазом Империи.

Мавет не сообщила Брану цели своего пребывания здесь, но он не сомневался, что какая-то цель была. Она толкалась в толпе, разглядывала корабли, иногда что-то спрашивала у прохожих, нередко – на разных языках, по-прежнему не объясняя Брану что и зачем. Около полудня она купила у разносчика козьего сыру и две кружки воды, и они перекусили. А потом снова началось это смутное кружение по гавани, обмен двумя-тремя словами, порой на непонятном языке, порой на вполне понятном, но неясном по смыслу. Через пару часов, когда стало уже совсем жарко и толчея в порту замерла, они выбрались за городскую черту и поднялись на холм, с которого видна была гавань. Мавет уселась на склоне. Бран встал у нее за спиной. Военные привычки ожили в нем, и он осознавал – пусть Мавет вооружена, спину ее он прикрывать обязан. Небо над ними было яркосиним и словно бы густым, ничем не напоминая небо над Наамой, жесткая синева которого отливала закаленной сталью.

Мавет неотрывно смотрела на виноцветное море, на корабли, уходящие за горизонт, и что-то насвистывала. Другая бы пела, подумал Бран, но Мавет из-за своего поврежденного горла петь не может.

– Я понял, – сказал он. – Ты хочешь отомстить. – Она не ответила, и он повторил, уточняя: – Ты хочешь отомстить за своих родителей.

Глаз, застывший в вечном прищуре, покосился на него.

– Ты ничего не понял. За моих родителей нельзя отомстить. Их никто не убивал. Они сами лишили себя жизни. Но отомстить я хочу. За проигранную войну.

Все ясно. Она рехнулась. Может быть, уже лежа в той могиле. А он обещал ей служить.

– Кому? – ядовито спросил он. – И как?

– Разумеется, я не могу ходить по империи и резать всех участников войны и осады, – рассудительно сказала она. – Их слишком много, и они всего лишь исполняли приказы. И вообще я не могу мстить империи за то, что она такова, какова есть. Это не в воле человеческой. Логично было бы убить императора Родарха. Но его, если ты помнишь, свергли восемь лет назад, и тот, кто его убил, вырезал заодно и весь его выводок. А сейчас на Золотом Троне сидит уже третий с войны император, и Родарху он даже не родич. А поскольку за все эти годы каждый, кто пробивался к трону, начинал правление с казней, до меня успели кончить и командующего Аммона, и легата армии левой руки Целия, и легата армии правой руки Руфина. Печально. Но их я главными виновниками и не считаю. Они тоже исполняли приказы...

За всем этим не было и грана безумия, и ее рассуждения странным образом увлекли Брана. Он ни разу еще не слышал, чтоб о войне говорили таким образом, и меньше всего подобного можно было ожидать от женщины.

– Наама, в сущности, не представляла собой стратегической ценности, – продолжала Мавет. – Она была лишь символом – Последняя Крепость! – да и стала им только в конце войны. Зато главной цитаделью и твердыней северного пограничья был Малкут, Малкут Царственный. Если бы комендант Малкута удержал его или хотя бы продержался достаточно долго, армии имперцев не смогли бы соединиться. Шемеш не был бы отрезан и взят в кольцо. И оставался шанс на победу. Но комендант сдал крепость, и армии обеих рук ударили по Шемешу. А предатель был щедро вознагражден. По-императорски.

Теперь до Брана дошло.

– Омри Га-Ход, – пробормотал он. – Министр...

– Теперь он министр. Каждый новый правитель, придя к власти, казнил приверженцев предыдущего. Кроме него.

– Я слышал, его многие пытались убить. Раньше. Теперь бросили это дело. Говорят, что удача всегда за него...

Мавет молчала. Бран вышел из-за ее спины и уселся рядом – со стороны здорового глаза.

– Омри Га-Ход, – сказал он. – Вот, значит, для чего я тебе понадобился.

– Чтобы следить за ним. Это было несколько обидно.

– Следить ты могла бы и сама.

– Только в трущобах. За их пределами, – она бледно усмехнулась, – моя внешность слишком заметна.

– Ты могла бы носить покрывало, как это делают южанки.

– А ты мог бы заметить, что южанки не болтаются часами на улице, особенно в Столице империи.

Теперь молчали оба. Бран прикидывал, рассчитывал. Потом произнес:

– Понадобится много денег. Впрочем, – добавил он после паузы и стукнул себя кулаком по колену, – не найти денег в Столице не сумеет только дурак.

Бран почему-то верил, что Мавет обрадуется, когда высыпал перед ней на пол содержимое мешка.

Он недостаточно ее знал. Она осталась равнодушна. Ни возгласа, ни жеста, даже ресницы не дрогнули над здоровым глазом. Правда, Бран уже понимал, что она отнюдь не стремится намеренно оскорбить его. После братской могилы Наамы в прошлом и перед убийством министра в будущем подобные вещи теряют значение.

И все-таки ему хотелось, чтобы она оценила содеянное и поделила его радость. Причиной, конечно, было не удачное ограбление. Он и раньше шел на такое в крайности, не испытывая никаких особых чувств. Здесь причиной было что-то другое. И он принялся рассказывать, как взломал сокровищницу храма, одновременно пытаясь понять – что это было такое? Может быть, он почувствовал радость из-за того, что всего лишь оглушил и связал привратника, но не убил его, хотя легко мог бы это сделать? Но он трудился не для собственного обогащения, а ради благородного дела, и ему не хотелось никого убивать. Мавет не выказала никакого внимания этим его догадкам, он понял, что сказал глупость, и умолк.

Мавет нагнулась над тускло мерцающей грудой. Бран прихватил из сокровищницы, помимо денег, все, что можно было легко унести: кратеры, светильники, ожерелья, ритуальные статуэтки. Одну из них, изображающую Джети, бога-козла, сочетающегося с женщиной, она и подняла.

– Так это был храм Джети?

Она впервые проявила интерес к его добыче.

– Ага. Вот похабень, правда? Прищуренный глаз сощурился еще больше.

– Насмешка судьбы. Родарх из иноземных богов весьма почитал Джети, покровителя мужской силы. Одиннадцать лет назад, в начале осады, храм Джети, получив от императора щедрое пожертвование, провозгласил проклятие нокэмам... Может, это как раз из того жертвования...

Она снова задумалась, насвистывая уже знакомую Брану мелодию. Потом сказала:

– Утварь у себя оставлять нельзя. Мне известно, где ее продать. Только тебе туда лучше не соваться.

– Ну, знаешь...

– Знаю, какой ты храбрый. Но и меня там знают, а тебя – нет. – Мавет бросила статуэтку на пол и заключила: – Похоже, что ты был прав и придется мне стать женщиной с Юга...

Теперь они снимали небольшой дом на Белом Холме-в аристократическом квартале столицы. Прежний владелец был казнен около года назад, на имущество его был наложен секвестр, а ныне казна его распродавала. Не желая иметь неприятностей в будущем, из нескольких покупателей префектура отдала предпочтение состоятельной вдове-южанке, за каковую выдавала себя Мавет, явно не имевшей связей с семьей казненного. Перед этим Мавет пришлось долго натаскивать Брана, изображавшего ее управляющего, по самым разным вопросам, ибо Бран не знал законов, а Мавет – знала, но, согласно традициям Юга, женщины могли заключать сделки только через посредников. Эти усилия, вопреки всему, не раздражали, а развлекали Брана. Словно шла игра, а то, что в конце игры их ждет убийство или собственная смерть, а скорее всего, и то и другое, его не волновало.

Так в их распоряжение перешел совершенно пустой дом, всю обстановку отсюда вывезли, но Брана и Мавет, в силу их, хотя и разного, однако очевидно не избалованного роскошью прошлого, данное обстоятельство мало удручало, и сад, запущенность которого имела в себе даже некую прелесть. Разумеется, не прелесть сада была причиной, по которой Мавет стремилась здесь поселиться. Не так далеко, пусть и не совсем рядом, располагался особняк Омри Га-Хода. Сам министр пока в Столице отсутствовал. Некоторое время он пробыл с инспекционной поездкой в Южной провинции, а по возвращении, не добравшись до Столицы, высадился в Пинариях, куда большинство аристократов выезжали в жаркое время и где находился летний дворец императора. Именно об этом, как догадывался Бран, и узнавала Мавет в порту. Но вскоре, к началу сезона на Большом ипподроме, двор должен был вернуться в Столицу, и, чтобы добраться до цели, Брану с Мавет пришлось поменять обличье. Бран обзавелся новой одеждой, коротко, согласно имперской моде, остриг волосы, сбрил бороду. А Мавет предстояло носить плотное покрывало – и это ей не нравилось. Она не то чтобы жила вне правил и законов – хотя так могло показаться, но законы, которые она над собой признавала, были какими-то чужими, недоступными и непонятными Брану. Любая женщина, считал он, имея такое лицо, как у Мавет, стремилась бы скрыть его. Но Мавет, напротив, не желала прятать свой шрам, словно это действие отнимало у нее нечто важное. Но ничего не поделаешь, сейчас ей приходилось закрывать лицо и не появляться вне дома без сопровождающего – только это допускали обычаи Юга. Поэтому Бран и Мавет либо выходили вдвоем, либо он один выполнял ее распоряжения, в основном приглядывая за домом министра. Таков, вероятно, был ее план с самого начала, с мгновения, когда она остановила его в ночном переулке, и которому она неукоснительно следовала, хоть и без удовольствия, так как лишалась прежней свободы.

Свобода – вот была причина радости, наполнявшей душу Брана. Он, наконец, понял это – вот почему ему стало легко, почему он спал спокойно и его не тянуло больше пить. Впервые он чувствовал себя свободным, как ни смешно это звучало для человека, добровольно объявившего себя рабом. Но он был достаточно умен, чтобы понять – это не его собственная свобода. Это была свобода Мавет. Он слышал сказки о ламиях и вампирах, живущих чужой кровью. И он, подобно им, питался чужой свободой. Его родная страна, Лоэрг, была завоевана около двух веков назад. И примерно полтора столетия назад пережила великое восстание, когда, как пелось в песнях, реки Лоэрга потекли вспять – а было там множество рек, – потому что были запружены трупами имперских солдат. А потом, следуя тем же песням, по Лоэргу многоводному потекли иные реки – реки крови. Страна была прочно замирена, и остров Лоэрг стал Северной провинцией, и ее уроженцы со временем удостоились чести называться федератами, союзниками, охранявшими дальние форпосты империи. В федератах служили и дед Брана, и отец, и сам он не видел для себя иного пути и лишь под Наамой смутно угадал, что свобода, ради которой дрались и умирали его предки и забывая его собратьями, еще существует. И ради того чувства, что он испытывал рядом с Мавет, он готов был терпеть самое Мавет и принимать ее такой, как она есть, а было это нелегко,

даже если забыть об ее наружности. Он быстро усвоил, что на его вопросы она отвечает, только когда хочет. Всего лишь раз она предупредила, чтоб он не мешал ей думать, считая повторение излишним, но правило это оставалось непреложным. Она надолго уходила в себя, временами принимаясь насвистывать все ту же мелодию (как-то Бран спросил, что это. «Старая песня, – отмахнулась она. – Ее теперь и не помнит никто»), и вывести ее из этого состояния было невозможно. Она ничего не рассказала ему – хотя он пытался выпрашивать – о десятилетнем промежутке между пещерой в горах и встречей с ним (правда, воровское оружие, привычка к жизни в трущобах и ночное пребывание в кабаке свидетельствовали за себя). Никогда не упоминала, сохраняет ли какие-то связи с соплеменниками, большинство из которых было продано в рабство или просто изгнано из Восточной провинции. Зато Мавет много и охотно говорила о войне – о Нептарской войне, потому что для нее Восточная провинция была и оставалась Нептарой. Говорила очень точно и профессионально, рассказывала о тираническом правлении князя, расшатавшем силы Нептары, об основных боевых операциях, о междоусобицах и борьбе политических группировок, смысл которой был для него столь же неясен, как для Мавет очевиден, могла перечислить потери с каждой стороны в любом сражении – в сущности, такими сведениями мог обладать даже не воин-ветеран, а полководец высокого ранга. И это было тем удивительнее, что во время войны Мавет была ребенком и ничего собственными глазами не видела, кроме Наамы. Где она набралась таких разнообразных познаний, Мавет не открывала, но, несомненно, это была единственная тема, которая ее по-настоящему интересовала. Брана, во многом, тоже. Хотя он-то ребенком не был тогда, но почти все годы провел в Лоэрге, не чая, что когда-нибудь попадет на Восток. Поначалу, когда война представлялась кратковременной и не сулящей особых потерь, в Нептару были направлены только элитные подразделения гвардии, в которых служили лишь коренные уроженцы империи, и не допускались выходцы из провинций, не имевшие гражданства, – дабы одним ударом покончить с мятежниками. Но чем дольше, кровопролитней и беспощадней становилась война, к ней год от года привлекались союзные войска. До Лоэрга очередь дошла последней, и отряды северян прибыли из гавани Намаль напрямик к Нааме, так что Бран так и не увидел ни цитадели Малкут, ни Шемеша, столицы Нептары, о которых рассказывала Мавет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.